

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина

город Санкт-Петербург

29 мая 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, М.Б.Лобова, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 151 ГК Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (часть первая).

Согласно статье 1112 данного Кодекса в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (часть первая); не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается данным Кодексом или другими законами (часть вторая); не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага (часть третья).

1.1. Конституционность этих законоположений в их взаимосвязи оспаривают граждане А.Г.Байгускарова и М.Г.Мухаметчин, которые являются детьми гражданки И.Ф., умершей в результате преступных действий ее мужа – гражданина И. Это обстоятельство установлено в рамках возбужденного в отношении указанного гражданина уголовного дела, по которому ему предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «д», «е» части второй статьи 105 УК Российской Федерации (убийство, совершенное с особой жестокостью, общеопасным способом) и частью второй статьи 167 данного Кодекса (умышленные

уничтожение и повреждение имущества, совершенные путем поджога). Заявители признаны потерпевшими. В период предварительного следствия И., признавший свою вину в инкриминируемых ему деяниях, 7 февраля 2022 года, находясь в следственном изоляторе, скончался. В связи со смертью обвиняемого уголовное дело и уголовное преследование в отношении него, с согласия его брата, прекращено 22 февраля 2022 года на основании пункта 4 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации.

Решением Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 24 августа 2022 года частично удовлетворены исковые требования А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина к наследникам И. о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, совершенным И. в отношении матери истцов. Установив факт наличия движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего И. на день открытия наследства, его рыночную стоимость, суд взыскал в пользу каждого из заявителей по 500 тысяч рублей с одного из наследников И., принявшего наследство. Суд исходил из того, что в случае смерти причинителя морального вреда, не возместившего этот вред при жизни, его обязанность по выплате денежной компенсации морального вреда переходит к его наследникам в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Кроме того, при определении размера денежной компенсации морального вреда суд, как указано в решении, руководствовался требованиями разумности и справедливости.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 22 ноября 2022 года решение суда первой инстанции отменено и вынесено новое – об отказе в удовлетворении исковых требований А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина к наследственному имуществу И. и его наследникам, поскольку его наследники не являются лицами, причинившими моральный вред, а обязанность И. по выплате заявителям денежной компенсации морального вреда при его жизни установлена не была. С судом апелляционной инстанции согласился Шестой кассационный суд общей юрисдикции (определение от 13 апреля 2023 года). Судья Верховного Суда Российской Федерации отказал в передаче кассационной жалобы на определения

судов апелляционной и кассационной инстанций для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам этого суда (определение от 7 ноября 2023 года).

По мнению заявителей, часть первая статьи 151 и статья 1112 ГК Российской Федерации в их взаимосвязи не соответствуют статьям 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служат основанием для отказа во взыскании компенсации морального вреда, причиненного смертью близкого родственника, с наследников лица, совершившего преступление против жизни и здоровья, в силу одного лишь факта смерти этого лица до вынесения судебного акта, возлагающего на него обязанность компенсировать моральный вред, без установления на основе исследования обстоятельств дела самого факта причинения потерпевшему от указанного преступления нравственных страданий, а также без установления наличия имущества, вошедшего в наследственную массу, за счет которого могло бы быть удовлетворено требование о компенсации морального вреда.

1.2. В силу статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого акта в деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации.

Из представленных материалов следует, что в вынесенных по делу А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина судебных постановлениях часть третья статьи 1112 ГК Российской Федерации в качестве основания для отказа в удовлетворении требований заявителей фактически не применялась. С учетом этого в рамках настоящего дела данная норма не может быть отнесена к предмету рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации и в силу

пункта 2 части первой статьи 43 и части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по настоящему делу в части проверки ее конституционности подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения части первой статьи 151, частей первой и второй статьи 1112 ГК Российской Федерации в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о возможности включения в состав наследства и возложения на наследников лица, совершившего преступление (подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям), обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему от этого преступления в пределах стоимости наследственного имущества, притом что на момент смерти причинителя вреда отсутствовал судебный акт, обязывающий его выплатить соответствующую компенсацию.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, и обязывая государство признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы, гарантирует каждому их государственную, в том числе судебную, защиту, а также охрану законом прав потерпевших от преступлений, обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статьи 1 и 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52).

Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, в полной мере соответствует Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) и вытекает из статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в силу которой достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего

это конституционное предписание предполагает обязанность государства предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, а также обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 26 октября 2021 года № 45-П, от 28 марта 2024 года № 13-П, от 1 октября 2024 года № 42-П и др.).

Вместе с тем, гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ таких лиц к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного ущерба, и возлагает решение этого вопроса на законодателя. В свою очередь, регулируя в рамках своей дискреции отношения, связанные с реализацией конституционных гарантий прав лиц, потерпевших от преступлений, законодатель, действуя на основании статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации и руководствуясь вытекающими из конституционных предписаний принципами правового государства, верховенства права и справедливости, вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов таких лиц – как в рамках уголовного судопроизводства (посредством гражданского иска в уголовном деле), так и путем искового производства по гражданскому делу – с помощью гражданско-правовых инструментов возмещения вреда. Конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным, а используемые правовые механизмы были направлены на максимально возможное возмещение причиненного ему вреда и обеспечивали ему эффективное восстановление в правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 25 июня 2013 года № 14-П, от 11 ноября 2014 года № 28-П, от 26 октября 2021 года № 45-П и др.).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя процессуальный статус потерпевшего и признавая таковым, в частности, физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, наделил потерпевшего правами стороны в уголовном судопроизводстве (пункт 47 статьи 5 и часть первая статьи 42).

По смыслу части первой статьи 42 УПК Российской Федерации статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда, но не формируется указанными актами. Это связано с тем, что обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 45-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О и др.). Сущностные же признаки потерпевшего определяются именно фактом совершения в отношении него преступления и причинением ему вреда, в том числе морального.

Исходя из этого и с учетом части первой статьи 151 ГК Российской Федерации, если преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага и такого рода преступными действиями потерпевшему причинен моральный вред – физические или нравственные страдания, то в рамках реализации потерпевшим от преступления права на компенсацию причиненного ущерба возможно возникновение гражданско-правового деликтного обязательства, в силу которого подлежит компенсации моральный вред, при условии, что физические или нравственные страдания реально были причинены лицу преступным посягательством на принадлежащие ему личные неимущественные права или нематериальные блага, среди важнейших из которых – достоинство

личности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 45-П). Это деликтное обязательство, в содержание которого входят субъективное право потерпевшего на компенсацию морального вреда и корреспондирующая данному праву обязанность, возникает в силу самого факта причинения вреда преступлением.

При отсутствии спора о самом факте причинения потерпевшему морального вреда и размере причитающейся ему компенсации, а также при добровольной компенсации вреда указанное обязательство исполняется безотносительно к его юридическому признанию со стороны государства в судебном решении. В случае же отказа лица, причинившего моральный вред, от его добровольной компенсации потерпевший вправе требовать государственной, в том числе судебной, защиты своего уже возникшего в связи с причинением морального вреда права с использованием установленных законом процедур. Тем самым вынесенный в рамках соответствующей процедуры судебный акт о взыскании в пользу потерпевшего денежной компенсации причиненного ему морального вреда в определенном судом размере направлен на защиту нарушенного права потерпевшего, а именно на обеспечение принудительного исполнения возникшей в момент совершения преступления обязанности причинителя вреда (или лица, несущего за него гражданскую ответственность) этот вред возместить. В данном судебном акте гражданско-правовое деликтное обязательство компенсировать причиненный преступлением моральный вред конкретизируется, уточняется применительно к объему соответствующих обязанностей, которые несет причинитель вреда (или гражданский ответчик) перед потерпевшим.

4. Основным средством судебной защиты прав лиц, потерпевших от преступления, является предъявленный в уголовном деле гражданский иск о возмещении вреда, причиненного преступлением. Производство по такому иску ведется по уголовно-процессуальным правилам, которые создают для потерпевшего повышенный уровень гарантий защиты его прав (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 года № 1442-О).

Вместе с тем потерпевший вправе предъявить иск к лицу, обязанному возместить вред, причиненный преступлением, и в порядке гражданского судопроизводства (пункт 1 части первой статьи 22 ГПК Российской Федерации). Право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства сохраняется за потерпевшим и в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, включая смерть подозреваемого или обвиняемого (пункт 4 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации), которое допускается лишь при согласии (отсутствии возражений) заинтересованных лиц (близких родственников умершего). Следовательно, вручая или направляя потерпевшему и гражданскому истцу копию постановления о прекращении уголовного дела, разъясняет право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства (часть четвертая статьи 213 УПК Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что в случае прекращения уголовного дела в связи с таким нереабилитирующим основанием, как смерть подозреваемого или обвиняемого, прекращается и дальнейшее доказывание его виновности, но подозрение или обвинение в совершении преступления с него не снимается. Напротив, по существу, констатируется совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, конкретным лицом, от уголовного преследования которого государство отказывается по причине его смерти (Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П, Определение от 5 июня 2014 года № 1309-О).

Применительно к возмещению вреда, причиненного преступлением, постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого имеет особое правовое значение. Когда такое решение принято судом, то согласно части четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации оно обязательно для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого оно вынесено, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Если же такое решение принято следователем, то, по смыслу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2025 года № 1-П,

оно – как итоговое, завершающее производство по уголовному делу – не должно исключаться из числа актов, констатирующих событие преступления, совершение его (причастность к нему) конкретным лицом, и в силу этого также не может быть проигнорировано судом, рассматривающим в порядке гражданского судопроизводства иск потерпевшего о возмещении причиненного преступлением вреда. При этом постановление следователя о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого имеет доказательственную силу при разрешении судом вопроса о возмещении причиненного преступлением вреда, в том числе морального, а содержащиеся в нем факты, имеющие юридическое значение для решения данного вопроса (при том что такого рода факты, наряду с иными обстоятельствами, могут быть установлены по результатам предварительного следствия, которые в силу пункта 5 части второй статьи 213 УПК Российской Федерации подлежат отражению в указанном постановлении), впредь до их опровержения в процедурах уголовного судопроизводства должны приниматься судом при рассмотрении предъявленного потерпевшим иска.

5. По смыслу правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 2 июня 2022 года № 23-П и от 23 апреля 2024 года № 20-П, конституционная обязанность по защите основных прав предполагает устойчивое влияние конституционных норм и принципов на процесс применения гражданского законодательства, проникая в регулируемые им отношения, обуславливая действие основных прав во взаимоотношениях не только личности с публичной властью, но и частных лиц. Такие ценности, как необходимость осуществлять права и свободы человека и гражданина без нарушения прав и свобод других лиц, соразмерность их возможных ограничений, полное возмещение причиненного (в том числе преступлением) вреда, обеспечение реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, сбалансированность прав и обязанностей гражданина и социальная солидарность (статья 17, часть 3; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 75¹ Конституции Российской Федерации),

представляют собой объективную систему, лежащую в самой основе конституционализации частноправовых норм при их применении судами.

Государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами верховенства права и справедливости, обязано способствовать максимально возможному возмещению (компенсации) потерпевшему от преступления причиненного ему вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности. С учетом названных конституционных принципов должно осуществляться толкование и применение норм статей 151 и 1112 ГК Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о возможности перехода к правопреемникам обязанности компенсировать моральный вред, причиненный правопреемником.

5.1. Прекращение производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, не прекращает гражданско-правового деликтного обязательства возместить причиненный преступлением моральный вред. Это означает, что сохраняются материально-правовые (гражданско-правовые) предпосылки для предъявления требований потерпевших к наследникам умершего, к которым переходит его имущество в порядке универсального правопреемства (статья 1110 ГК Российской Федерации). Поскольку наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (пункт 1 статьи 1175 ГК Российской Федерации), они являются и лицами, несущими по закону имущественную ответственность за действия умершего подозреваемого или обвиняемого в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 года № 887-О). До принятия наследства требования потерпевших (кредиторов) могут быть предъявлены к наследственному имуществу (пункт 3 статьи 1175 ГК Российской Федерации).

Из сказанного следует, что, принимая наследство, наследники берут на себя и обязательства наследодателя, в том числе по возмещению вреда,

причиненного преступлением, совершение которого наследодателем установлено в процедурах уголовного судопроизводства, в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Возложение на наследника обязанности возместить (компенсировать) вред, причиненный потерпевшему преступлением наследодателя, направлено на реализацию конституционных гарантий прав лиц, пострадавших от преступных деяний, и тем самым призвано обеспечить им эффективную защиту достоинства личности. Компенсация же – в установленной судом сумме – причиненного потерпевшему морального вреда в связи со смертью близкого человека за счет наследственной массы причинителя вреда, переходящей к наследникам по безвозмездному основанию, согласуется с принципами справедливости и соразмерности.

5.2. Действующее гражданское законодательство не содержит прямого запрета на переход в порядке наследования к наследникам, принявшим наследство, обязанности компенсировать потерпевшему моральный вред, причиненный совершенным наследодателем преступлением.

Статья 1112 ГК Российской Федерации определяет состав наследства, относя к нему принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи и иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, и в то же время предусматривает виды прав и обязанностей, которые в состав наследства не входят. К ним относятся права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается данным Кодексом или другими законами.

Исходя из буквального содержания норм статей 151 и 1112 ГК Российской Федерации обязанность компенсировать моральный вред переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства в качестве одного из денежных обязательств. Однако практика применения этих норм противоречива. Согласно одному подходу, основанному на определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2012 года № 53-В11-19, обязанность по выплате компенсации морального вреда

рассматривается как неразрывно связанная с личностью наследодателя – лица, причинившего вред, а потому не входит в состав наследства и не может быть возложена на наследников в случаях, когда она не была возложена на самого причинителя вреда при его жизни (определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2021 года № 88-9526/2021, Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2021 года № 88-11253/2021, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 октября 2020 года № 88-16940/2020, от 11 февраля 2021 года № 88-2340/2021 и от 19 июля 2022 года № 88-12194/2022, а также судебные постановления апелляционной и кассационной инстанций по делу А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина).

Отдельные суды признают обоснованным возложение на наследников причинителя морального вреда обязанности его компенсировать, когда такая компенсация взыскана судом с самого причинителя вреда при его жизни, при необходимости с корректировкой подлежащей взысканию суммы исходя из стоимости наследственного имущества (определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 года № 88-6233/2021 и Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2024 года № 88-32713/2024).

В то же время имеются и примеры принципиально иного подхода (апелляционные определения Санкт-Петербургского городского суда от 7 декабря 2016 года № 33-25265/2016 и Омского областного суда от 30 октября 2019 года № 33-7025/2019), согласующиеся с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации о том, что в случае смерти лица, причинившего моральный вред, обязанность по выплате компенсации морального вреда, как имущественная обязанность, переходит к его наследникам, которые должны выплатить эту компенсацию в пределах действительной стоимости перешедшего к ним наследственного имущества (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2000 года, утвержденный его Президиумом 28 июня 2000 года). Положенное в основу приведенной позиции правовое регулирование, а именно статья 553 ГК

РСФСР, обязывавшая наследника, принявшего наследство, отвечать по долгам наследодателя в пределах действительной стоимости перешедшего к нему наследственного имущества, по существу, воспроизведено и в пункте 1 статьи 1175 ГК Российской Федерации.

При определении размера компенсации морального вреда часть вторая статьи 151 и пункт 2 статьи 1101 ГК Российской Федерации обязывают суд учитывать, наряду со степенью вины нарушителя и с иными заслуживающими внимания обстоятельствами, степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред, т.е. с личностью потерпевшего. В свою очередь, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что тяжесть причиненных потерпевшему страданий оценивается судом с учетом заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела, к которым могут быть отнесены любые обстоятельства, влияющие на степень и характер таких страданий, а под индивидуальными особенностями потерпевшего, влияющими на размер компенсации морального вреда, следует понимать, в частности, его возраст и состояние здоровья, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессию и род занятий потерпевшего (пункты 27 и 28 постановления от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»). Тем самым справедливый и адекватный последствиям нарушения размер компенсации морального вреда определяется на основе критериев, не связанных со спецификой личности причинителя вреда.

Гражданско-правовое регулирование не создает, таким образом, существенных препятствий для того, чтобы компенсировать моральный вред, причиненный потерпевшему в связи со смертью близкого человека, за счет наследственной массы причинителя вреда, позволяя сбалансировать на основе принципов справедливости и соразмерности имущественные интересы наследников и права потерпевших от преступления.

5.3. Справедливый баланс интересов потерпевших, которым причинен моральный вред, и интересов наследников причинителя вреда достигается с

учетом обеспечения наследникам возможности заявлять ходатайства, представлять доказательства в подтверждение обстоятельств, влияющих на обязанность и размер компенсации морального вреда (степень вины причинителя вреда, его последующее поведение, имущественное положение и др.), а также заявлять любые возражения, которые мог бы заявить причинитель вреда относительно оснований возникновения и условий обязательства по компенсации морального вреда, если бы соответствующее требование потерпевших рассматривалось судом до смерти причинителя вреда. Доказывание таких обстоятельств может осуществляться, помимо прочего, с опорой на материалы уголовного дела, прекращенного в связи со смертью причинителя вреда, в которых зафиксированы прижизненные его показания, показания свидетелей и т.д.

Кроме того, для обеспечения баланса интересов потерпевших и наследников причинителя вреда, являющихся близкими родственниками лица, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению в связи с его смертью, пункт 4 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации дает таким наследникам возможность настаивать на продолжении расследования или рассмотрения уголовного дела в целях потенциальной реабилитации лица, в отношении которого уголовное дело могло бы быть прекращено по указанному нереабилитирующему основанию. Продолжение расследования или рассмотрения уголовного дела и полученные в результате этого дополнительные материалы также могут повлиять на процессуальные возможности наследников и потерпевших в том, что касается установления оснований и условий обязательства по компенсации морального вреда.

Сама по себе сложность доказывания соответствующих обстоятельств наследниками причинителя вреда не может служить поводом для лишения потерпевшего права на компенсацию морального вреда, притом что судом определяется ее разумный и справедливый размер. При этом не исключается право федерального законодателя совершенствовать действующее правовое регулирование. В частности, он не лишен возможности допустить – в целях

защиты интересов наследников причинителя вреда – применение к таким обращенным к ним требованиям положений о сроках исковой давности.

6. Таким образом, взаимосвязанные положения части первой статьи 151, частей первой и второй статьи 1112 ГК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не препятствуют включению в состав наследства лица, совершившего преступление (подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям), и возложению на его наследников обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему от этого преступления в пределах стоимости наследственного имущества вне зависимости от наличия на момент смерти причинителя вреда вступившего в силу судебного акта, обязывающего его выплатить соответствующую компенсацию.

Иной подход к решению вопроса о взыскании с наследников компенсации морального вреда не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности потерпевших от преступлений, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь – самого человека, его прав и свобод, а равно и достоинства личности), неоправданные препятствия для применения гарантий прав потерпевших, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со статьями 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения части первой статьи 151, частей первой и второй статьи 1112 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не препятствуют включению в состав наследства лица, совершившего преступление (подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям), и возложению на его наследников обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему от этого преступления в пределах стоимости наследственного имущества вне зависимости от наличия на момент смерти причинителя вреда вступившего в силу судебного акта, обязывающего его выплатить соответствующую компенсацию.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений части первой статьи 151, частей первой и второй статьи 1112 ГК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления по делу граждан Байгускаровой Алины Гайнулловны и Мухаметчина Марата Гайнулловича, вынесенные на основании взаимосвязанных положений части первой статьи 151, частей первой и второй статьи 1112 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности части третьей статьи 1112 ГК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 24-П